

установившійся интересъ — не временное любопытство, а сознательная мысль о томъ историческомъ значеніи, какое имѣтъ Пушкинская поэзія для цѣлаго развитія нашей новѣйшей литературы, какъ завершеніе прошедшаго и первый источникъ ея современнаго состоянія. Правда, работъ крупныхъ было мало; но, кромѣ изысканій П. В. Анненкова, и въ тѣхъ историческихъ работахъ, какія были вызваны московскимъ празднествомъ, собрано было не мало цѣнныхъ выводовъ о значеніи Пушкина въ развитіи литературныхъ идей, объ историческомъ смыслѣ его романическихъ героевъ, объ отношеніи его къ западно-европейскимъ вліяніямъ, о свойствахъ того быта, который служилъ подкладкой его изображеній, и т. д. (рѣчи и статьи гг. Тихонравова, Ключевского, Стороженка, Острогорскаго, книга г. Стоюнина и пр.). Дальнѣйшая разработка вопроса объединить когда-нибудь эти разбросанныя изслѣдованія, и историческая роль Пушкина выяснится для насъ во всѣхъ разнообразныхъ сторонахъ его личности, его связей съ прошедшимъ, его вліяній на послѣдующій ходъ литературы. Надо надѣяться, что это будетъ, наконецъ, прочнымъ основаніемъ того преданія, о которомъ мы говорили: когда разъ установленъ будетъ историческій фактъ столь широкаго значенія, какъ исходный пунктъ, естественно будетъ искать дальнѣйшаго преемства, которое разными путями связываетъ его съ настоящимъ, и осмыслить явленія нашей литературы историческою нитью внутренней идеи...

Со времени критики Бѣлинскаго поставленъ былъ вопросъ о національномъ или народномъ значеніи Пушкинской поэзіи. Мнѣнія и тогда были раздѣлены. Что Пушкинъ націоналенъ въ общемъ смыслѣ слова, какъ великій поэтъ, созданный русскою жизнью, какъ человѣкъ, во многихъ отношеніяхъ носившій въ личномъ характерѣ и идеяхъ чисто русскія особенности, какъ писатель, въ вѣрныхъ картинахъ изображавшій русскую жизнь и въ свое время единственный по глубокому постиженію русскаго языка, — въ этомъ у насъ давно были убѣждены, хотя Бѣлинскій недоумѣвалъ, можно ли приложить къ нему многозначительный эпитетъ „поэта національнаго“: для этого, по его мысли, требовалось, вѣроятно, болѣе обширное отраженіе русской національной жизни и ея идеаловъ. Поэтомъ „народнымъ“ Бѣлинскій считалъ его еще менѣе: нашъ „народъ“ еще такъ далекъ отъ литера-